

УДК 341.231.14

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СИТУАЦИИ НЕПРИЗНАНИЯ ИХ ГОСУДАРСТВОМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ СООБЩЕСТВОМ

Гельдибаев М. Х., Михайлов В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье исследуются проблемы официального признания национальных меньшинств как признака их провосубъектности, деликтоспособности и практической гарантии ненарушения и защиты их неотъемлемых прав. Показаны противоречия современной западной либеральной правовой теории, препятствующей признанию и идентификации в качестве субъектов права национальных сообществ, что приводит к правовым коллизиям и политике «двойных стандартов» в вопросе права наций на самоопределение. Рассмотрены проблемы непризнания государственными органами и руководством Украины прав русскоязычного населения на национально-культурное самоопределение, показано как нарушения прав значительного числа граждан Украины привели к внутреннему гражданскому конфликту, в котором Украина продолжила выступать против признания прав объявивших о самоопределении республик ДНР и ЛНР. Преступления украинского руководства в ходе АТО, геноцидальная политика в отношении значительной части своего народа, а также игнорирование международным политическим и правовым сообществом этих преступлений привели к тому, что Российская Федерация признав независимость ДНР и ЛНР начала защиту прав граждан в ходе СВО.

Ключевые слова: правовая защита, гражданство, национальные меньшинства, права меньшинств, этническая идентичность, деликтоспособность, идентифицируемость национальной группы, признание правовой субъектности, русскоязычное население Украины.

Одной из сложных проблем современной теории правовой защиты национальных меньшинств является разграничение этнического и гражданского национализма. Так, в русском языке четко разделяется гражданское самоопределение, то есть принадлежность к государственному образованию, и этно-национальное самоопределение, то есть принадлежность к определенной группе, обладающей культурными индетерминантами и не зависящей от проживания в том или ином государстве. При этом, как отмечает Р. Брукейкер, гражданство имеет в своей сущности не только включающий, но и исключаящий признак [2]. То есть, «условием гражданства является наличие неграждан, а включение в нацию предполагает некие исключенные из нее группы» [1, с. 14]. Схожая ситуация с правовым статусом возникает и в случае определения национальной группы или меньшинства в рамках единого государственного сообщества, поскольку требуется официальное признание этой этнической группой со стороны государства и его властвующих органов, как отличной от других этнических сообществ и меньшинств, проживающих на территории данного государства. Таким образом, правовая регламентация и, следовательно, правоспособность определяется формализацией признания как в случае гражданско-правовой общности (признание гражданства), так и в случае общности национальной (признание национальной идентификации).

Исторически, как отмечает Юрген Хабермас, в европейской цивилизации изначально сформировалась ситуация преимущественной гражданской и национальной

идентичности, то есть, государства имели характер национальных государств, что позволяло этим государствам определять свою особенность и самостоятельность перед фактом существования других государств [11, с. 214-216]. Тем не менее, Хабермас полагал эту ситуацию тождественности гражданства и национальной определенности мерой временно, требующей преодоления за счет создания «политически культурно-организованного» общества, в котором национальная идентичность граждан не влияет на гражданские права и социальные институты [11, с. 243].

Данная либерально-демократическая концепция, результатом которой немецкий мыслитель полагал создание общества «граждан мира», в котором любые этнонациональные различия снимаются в космополитическом социально-государственном устройстве, близко сходится с идеями мультикультурализма и теории «дифференцированного гражданства», стремящимися к глобализованному устройству как политической карты мира, так и к универсальной глобализации правовых основ международных отношений. При этом, как отмечает А.С. Алехнович, «...на практике глобализация института национального гражданства ускоряет переход от государственной нации к постнациональному государству, действующему в логике корпоративных интересов» [1, с. 24]. При этом, старательно затушевывается любая групповая идентичность, отрицаются групповые различия граждан государств.

Так, в 2004 г. турецкий теоретик Б. Алган с работе «Переосмысление «третьего поколения прав человека» утверждал, что существование в правовой системе особых групповых прав является «противопоставлением всеми признанных универсальных, всеобщих и неотъемлемых прав человека, закрепленных в основных международно-правовых актах влиятельными международными институтами, что определенно создает коллизию различий между ними» [12, р. 151-152]. Так, Алган полагает, что права национальных меньшинств являются не групповыми правами тех или иных признанных и идентифицированных сообществ, но правами представителей этих меньшинств действовать сообща. Таким образом, вопроса о признании этнической общности в рамках гражданско-правового общества не ставится вообще, а право народа, по мнению автора, «должно формулироваться в границах прав личности, реализовываться практически как индивидуальное право, согласно признанным всеобщим правам человека в соответствующей декларации ООН» [12, р. 152].

В том же направлении мыслит и Дж. Мерилз, который, на примере защиты прав граждан на достойную окружающую среду, полагает, что «право на экологичность является неотъемлемым правом индивида, в противном случае, законодательство встречает проблемы, связанные с определением стандартов, которые не могут определять национальный, этнический, религиозный или любой другой групповой характер экологического вреда» [14, р. 33]. Таким образом, автор уходит от вопроса о вреде не только отдельным сообществам населения государства, но и вреде, причиненном одним государствам другому государству, по сути, лишая правовую защиту в случае нарушения окружающей среды, любых форм межгосударственного судебного разбирательства, возможности препятствия дальнейшему нарушению прав значительного населения и компенсации ему в соответствии с нормами права.

В последние годы, в связи с очевидным провалом политики мультикультурализма в таких европейских «образцовых» демократиях, как Франция, Германия и Британия, е еще большие проблемы, связанные с миграцией в Европу массового инона-

ционального населения, вопросы идентификации и признания религиозных, языковых, культурных прав национальных меньшинств снова стали переосмысливаться в традиционных национально-государственных правовых границах. Снова стали обсуждаться теоретические основы групповых прав, в частности, понятие «идентифицируемости» как одного из факторов юридического статуса сообщества, позволяющего ввести его в правовое поле государства и международного сообщества. Определяемые американским правоведом В. Ван Дайком критерии «идентифицируемости»: длительное и стабильное социальное существование, устойчивость к социальным изменениям, самоидентификация всех членов сообщества как целое [13, р. 21–40], очевидно, лучше всего применимы по отношению к этно-национальным сообществам, национальным и религиозным меньшинствам, однако, присутствие в большинстве определений правоспособности гражданских групп критерия «признанности» со стороны государства делает бесполезным любое самостоятельное решение национальной группы заявить о своих правах и своей правовой субъектности.

При этом, как признается большинством правоведов, правовой статус народа, нации, национального меньшинства так и не получил однозначного и общепризнанного определения в международных актах и правовых регуляциях. Так, вопрос о праве наций на самоопределение остается спорной концепцией, а практика признания самоопределившихся государств на международном уровне подвержена не только спорам, но и конкретным «двойным стандартам», в зависимости от глобальных геополитических условий, часто не относящихся к тому, что привело к решению народа объявить о своем самоопределении и самостоятельной организации государственной жизни. Это оставляет как в теории, так и в практике сохранять ситуацию «правовой неопределенности» в отношении значительного числа этнокультурных сообществ, в различных государствах, и даже отказывать в правовом статусе целым государственным образованиям.

Непризнание права наций и народов самим определять свою политическую судьбу особенно ярко проявилось на постсоветском пространстве, после распада СССР. В ходе этого процесса, прошедшего стихийно, без учета многих территориальных, этнических, культурных особенностей, проблематика защиты прав меньшинств приобрела особенную остроту. Наличие значительного числа русскоязычных «неграждан» в государствах Прибалтики [3], нарушение прав иноязычного населения в большинстве новообразованных государств на территории бывшего СССР так и не нашли отклика в международном сообществе, а одинокие усилия Российской Федерации, ее институтов и правозащитных организаций часто игнорировались как в странах-нарушителях, так и представителями международных правозащитных организаций. В результате конфликтные ситуации не разрешались, но усугублялись, а решимость национальных меньшинств, чьи права нарушались систематически, причем, эти нарушения закреплялись, как в случае с ситуацией на Украине, законодательно, усиливалась.

Так, в 2014 г. народы Крыма приняли решение выйти из состава Украины, принявшей культурно-геноцидальные законы о языке и коренных народах, и воссоединиться с Российской Федерацией, культурно, языково и исторически близким государством. Как отмечает В.В. Михайлов, в отношении Донецкой народной республики и Луганской народной республики «имеет место иная групповая расположен-

ность населения и, следовательно, иная форма прекращения пребывания в составе государства, нарушающего законные права значительных групп населения, как по национальному признаку, так и по признакам культурно-языковой идентификации. При этом русскоязычное большинство, как русских, так и украинцев и иных национальностей, имеет все права на свою языковую и культурную идентичность» [7, с. 15]. Тем не менее, украинское руководство, продолжило политику непризнания идентичности русскоязычного меньшинства, соответственно, то есть отказа от соблюдения прав значительной части населения страны.

Начавшееся вооруженное противостояние, в ходе которого русскоязычное национальное меньшинство было объявлено в полном составе террористами, а международное сообщество много лет игнорировало призывы как населения ДНР и ЛНР, так и Российской Федерации повлиять на геноцидальную националистическую политику украинского руководства, выявило всю проблематику политики двойных стандартов, проводимую западным сообществом. Как и в случае с признанием Косово и непризнанием волеизъявления народов Крыма, международные правовые институты игнорировали нарушения прав народов Украины со стороны государства, оправдывая его антиправовые действия [10].

Здесь следует отметить, что сам факт непризнания украинским государственным аппаратом русскоязычного населения как национально-культурной общности лишает его и того, что в правовой науке называется деликтоспособностью, то есть, способность нести юридическую ответственность именно как общность. Как отмечает И.В. Самылов, признание и наличие организационного статуса отличают организации, неофициальные «социальные общества как таковые не могут быть субъектом правонарушения, поэтому меры юридической ответственности к ним применяться не должны» [9, с. 71]. Таким образом, нарушая права русскоязычного населения на своей территории, Украина, как признанное государственное образование, может и должна нести за это ответственность, а непризнанное ею самою в качестве национального меньшинства или коренного народа русскоязычное население не может в правовом смысле отвечать как юридическое целое, следовательно, так называемая «анти-террористическая операция», проводимая украинскими вооруженными силами против населения ДНР и ЛНР являлась незаконной и антиправовой [5, с. 181].

В ходе вооруженного гражданского конфликта на Украине систематически нарушались права значительного числа ее граждан, подпадающие под статьи международного, в том числе уголовного законодательства. К ним относятся:

«– умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях;

– умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями;

– умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями» [8].

Разрушалась экономика региона, незаконные действия украинского руководства вызвали массовую миграцию. Как отмечал В.В. Михайлов, «непризнание Украинским государством групповой идентичности населения Донецкой и Луганской народных республик, основанном на их национальном, языковом, культурном самоопределении, остается одним из главных препятствий к разрешению длительного военного и гражданского конфликта на Украине» [6, с. 30].

В результате, лишь официальное признание Российской Федерацией независимости этих государственных образований от Украины, не пожелавшей расстаться со статусом унитарного государства, стало основанием для возможности народам самостоятельно жить в соответствии со своими культурными ценностями и говорить на родном языке. Начавшаяся специальная военная операция вооруженных сил Российской Федерации, в юридическом смысле является законной защитой права признанных суверенных народов на самостоятельное решение своей судьбы в рамках общей системы правовой защиты, закрепленной международными правовыми актами.

Список литературы:

1. Алехнович А.С. Гражданство, нация и государство: проблема политического субъекта // Вопросы социальной теории. Том XI, 2009. С. 8-27.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2012. – 408 с.
3. В Европарламенте оправдали дискриминационные законы против русских в Прибалтике. URL: <https://life.ru/1118832/> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Доклад управления Верховного комиссара Организации Объединенных наций по правам человека. Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2018 – 15 февраля 2019 года. ООН: Управление Верховного комиссара, 2019. 36 с.
5. Лосев К.В., Михайлов В.В. Групповая идентичность: проблемы теоретического определения и практической реализации групповых прав // Трансформация идентичностей: опыт Европы и России : сборник научных статей. В 2 частях. Часть 1. - Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2021. – С. 177-185.
6. Михайлов В.В. Юридические проблемы непризнания уязвимых групп на Украине // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). – С. 20-33.
7. Михайлов В.В. Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Том 11. № 5. – С. 10-18.
8. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.: [Электронный ресурс]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.03.2022)
9. Самылов И.В. Особенности правосубъектности этнических сообществ в рамках общей системы субъектов права // Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики: Сб. науч. трудов / отв. ред. Ю. В. Попков, И. С. Тарбастаева; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Изд-во «Манускрипт», 2017. 196 с. - С. 66–73.
10. Торребланка Х. И. Десять нарушений международного права, совершенных Россией на Украине // Иносми. 2015. 18 февр. URL: <https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. – 252 с.
12. Algan B. Rethinking “Third Generation” Human Rights // Ankara Law Review. Vol. 1. No 1, 2004.
13. Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982. P. 21-40.
14. Merrills J.G. Environmental Protection and Human Rights: Conceptual Aspects // Human Rights Approaches to Environmental Protection / ed. A.E. Boyles, M.R. Anderson. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 25-41.

Geldibayev M.H., Mikhailov V.V. Legal protection of national minorities in the situation of their non-recognition by the state and the international community // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – P. 275-280.

The article examines the problems of official recognition of national minorities as a sign of their legal personality, delictworthiness and practical guarantee of non-infringement and protection of their inalienable rights. The contradictions of the modern Western liberal legal theory, which prevents the recognition and identification of national communities as subjects of law, which leads to legal conflicts and the policy of "double standards" in the issue of the right of nations to self-determination, are shown. The problems of non-recognition by state bodies and the leadership of Ukraine of the rights of the Russian-speaking population to national and cultural self-determination are considered, it is shown how violations of the rights of a significant number of citizens of Ukraine led to an internal civil conflict in which Ukraine continued to oppose the recognition of the rights of the republics of the DPR and LPR that declared self-determination. The crimes of the Ukrainian leadership during the ATO, the genocidal policy towards a significant part of its people, as well as the disregard of these crimes by the international political and legal community led to the fact that the Russian Federation, recognizing the independence of the DPR and the LPR, began protecting the rights of citizens during its own.

Keywords: legal protection, citizenship, national minorities, minority rights, ethnic identity, delictability, identifiability of a national group, recognition of legal subjectivity, Russian-speaking population of Ukraine.

Spisok literatury:

1. Alekhnovich A.S. Grazhdanstvo, naciya i gosudarstvo: problema politicheskogo sub"ekta // Voprosy social'noj teorii. Tom XI, 2009. S. 8-27.
2. Brubejker R. Etnichnost' bez grupp. – M.: Izd. dom GU VSHE, 2012. – 408 s.
3. V Evroparlamente opravdali diskriminacionnye zakony protiv russkih v Pribaltike. URL: <https://life.ru/1118832/> (data obrashcheniya: 10.03.2022).
4. Doklad upravleniya Verhovnogo komissara Organizacii Ob"edinennyh nacij po pravam cheloveka. Doklad o situacii s pravami cheloveka v Ukraine 16 noyabrya 2018 – 15 fevralya 2019 goda. OON: Upravlenie Verhovnogo komissara, 2019. 36 s.
5. Losev K.V., Mihajlov V.V. Gruppovaya identichnost': problemy teoreticheskogo opredeleniya i prakticheskoy realizacii gruppovyh prav // Transformaciya identichnostej: opyt Evropy i Rossii : sbornik nauchnyh statej. V 2 chastyah. CHast' 1. - Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGEU, 2021. – S. 177-185.
6. Mihajlov V.V. YUridicheskie problemy nepriznaniya uyazvimyh grupp na Ukraine // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 3 (65). – S. 20-33.
7. Mihajlov V.V. Tret'e pokolenie prav cheloveka i vopros o pravovoj zashchite russkoyazychnogo naseleniya Ukrainy // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2021. Tom 11. № 5. – S. 10-18.
8. Rimskij statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda 1998 g.: [Elektronnyj resurs]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (data obrashcheniya: 15.03.2022)
9. Samylov I.V. Osobennosti pravosub"ektnosti etnicheskikh soobshchestv v ramkah obshej sistemy sub"ektov prava // Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv: problemy teorii i praktiki: Sb. nauch. trudov / otv. red. YU. V. Popkov, I. S. Tarbastaeva; IFPR SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo «Manuskript», 2017. 196 s. - S. 66–73.
10. Torrebilanka H. I. Desyat' narushenij mezhdunarodnogo prava, sovershennyh Rossiej na Ukraine // Inosmi. 2015. 18 fevr. URL: <https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm> (data obrashcheniya: 10.03.2022).
11. Habermas YU. Demokartiya. Razum. Nравstvennost'. M.: Academia, 1995. – 252 s.
12. Algan B. Rethinking "Third Generation" Human Rights // Ankara Law Review. Vol. 1. No 1, 2004.
13. Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982. P. 21-40.
14. Merrils J.G. Environmental Protection and Human Rights: Conceptual Aspects // Human Rights Approaches to Environmental Protection / ed. A.E. Boyles, M.R. Anderson. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 25-41.